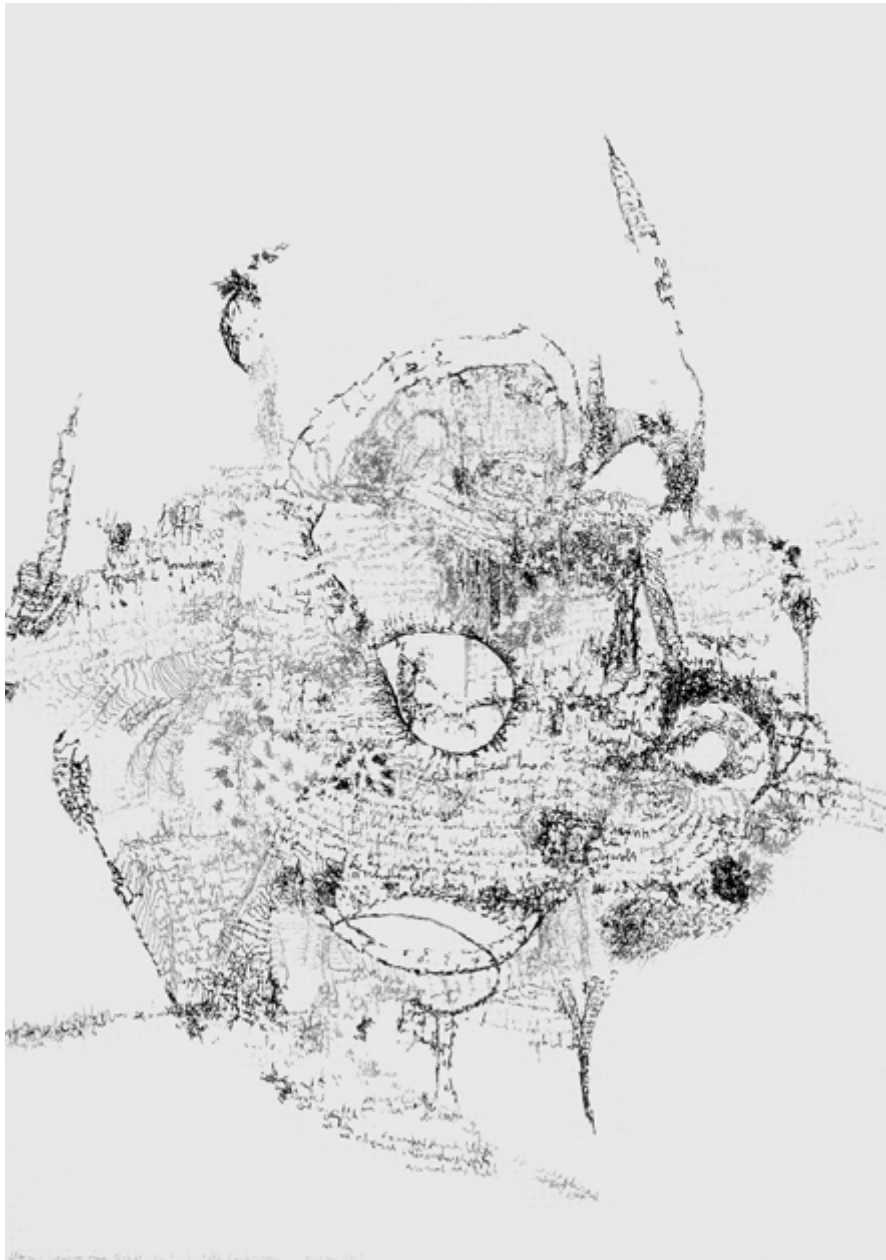

Игорь Шестков "Письмо"

Двусторонний рисунок саксонского художника-мыслителя Карлфридриха Клауса "Начало письма Громану" (1963) это одновременно разросшаяся записка, вытатуированная на полупрозрачной бумаге, текстограмма и портрет какого-то уроды или черта (наличествуют рога). Может быть Ленина или Сталина - эти имена можно разобрать.

Художник пишет, загибает строчки как слепой, переворачивает лист и

продолжает писать. Заполняет текстограмму полумыслями-полузнаками, необработанными душевными рефлексиями, каракулями подсознания.

Использует все - и продуманные годами концепции и случайные ассоциации, драгоценности и мусор. Оперирруя строчками как линиями, обрисовывает несколько узнаваемых форм - пустоты глаз, пустоту рта, короткий нос. И висящую на нем знаковую соплю.

Буквы, слова, строчки, черточки и загогулилки служат для мастера формообразовательным материалом. Их сочетания, переплетения и наложения образуют в совокупности модель, карту или хронику работы сознания существа, не способного к обобщению, заиклившись на мелочах и в буквальном смысле слова пытающегося из тысяч мух слепить слона. Получив в результате что-то, похожее на взбунтовавшуюся философскую машину Раймонда Луллия, мастер явно остается в убеждении, что его целью был не мушиный слон-результат, а развитие темы, письмо, мысленный философский эксперимент.

Полагаю, мало кому придет в голову действительно читать такие письма.

Текстограммы Клауса, его танцующие строчки, заросли, кустарники, плантации знаков, бороды и колонии сюрреальных насекомых интересны исключительно с формальной точки зрения, сами по себе. Политические убеждения художника, известного своей барельефной левизной, запечатленной в его имени, не отливаются на его рисунках в лозунги. Хотя и дают себя знать - только склонный к анархизму левак может позволить своим словечкам разбежаться на бумаге.

Последовательности знаков на рисунке Клауса распространяются по листу в ритме дыхания и биения сердца, в ритме смены мыслей, дрожания пальцев старого курильщика. Текстограмма это и кардиограмма и детектор лжи.

Семиотический мох, знаковая плесень заполняют лист бумаги, образуя что-то похожее на ландшафт. Мастер не создает его как демиург, а скорее наблюдает сверху его рост, как ленивый садовник. Следит за садом, но садовых ножниц и тяпки в руки не берет. Потихоньку высаживает на маленьком листке семена даосизма, каббалы и алхимии, удобряя все это навозом коммунистической утопии. И смотрит, какие цветочки вырастут. Благо в его реальной, гдровской жизни все это было запрещено.

На гравюрах Кранаха белое ограничивается контурами, и наполняется невидимой смысловой плотью.

У Клауса белое остается бесформенной, необработанной пустотой.

Черное на черно-белой графике выполняет две функции - образует малые иероглифы и придает форму белой пустоте, обрисовывая ее границы контурами. Этот путь формообразования Карлфридрих Клаус применяет сравнительно редко. Его графику можно сравнить с игрой на рояле одним пальцем. Остается только удивляться, как много можно таким образом наиграть...

Кажется, что мастер создает не формы, а маленькие клавиши или поющие струны. Клаус слышит хрипы и стоны населения Земли. Воспроизводит на бумаге бормотанье, вздохи, свист и бульканье ее сумасшедшего радио. Обрывки мелодий, куски оперных арий, визг станков, призывы Мао, крики о помощи... Вот Лао Цы показывает Конфуцию беззубые десны... Чегевара нажимает на курок автомата... Адольф брызгает черными слюнями... Хрустят сапогами, чеканя шаг, солдаты на параде... Трень брень... Тиу-тиу...

Гравюра Кранаха беззвучна - это чистый смысл, нарезанный контурами и собранный, как станок из деталей. Это машина, пресс, оставляющий оттиск не на бумаге, а прямо на полированном нёбе нашего сознания. Письмо Клауса невозможно свести к формально-смысловому единству, оно распадается, разъезжается, буквы и знаки разбегаются, эпилептически трясаься и уменьшаясь в размере и значении. С трудом можно приподнять эту паутину с застрявшими в ней ста тысячами мух над плоскостью бумаги, увеличить и повесить сушиться. Клаус называл комнату с такими простынями - экспериментальным мыслительным звуко-пространством, Авророй.

Еще труднее отпечатать такую простыню в сознании, зато, вытянув из мозговой ваты длинную спицу, можно, не торопясь, поиграть, смакуя, на всех клавишах, струнах, кнопочках, потрогать спящих повсюду знако-звуко-смысло-насекомых... Послушать музыку мозгов автора.

В ксилографическом мире Кранаха почти нет случайностей, ошибок. Все строго детерминировано уже на уровне эскиза. Любая мелочь, линия или форма имеет

определенную функцию. Не все поддается сейчас точной расшифровке (зачем, например, нужны круглые колокольчики на платье сотника?), но для самого мастера все было ясно. Функциональный, конструктивный, символический и иллюстративный слои графического произведения существовали в единстве и предназначались для создания понятного продукта.

Кlaus сохраняет в своем Письме наивность и трогательность рукописи, оставляет в поле изображения бесчисленные пробелы, позволяет зрителю самому строить его ассоциативные ряды. Поощряет на сотворчество.

Я тут поцарал немного на кальке, тиу-тиу, выпустил мысленасекомых из горячего черепа на холодную бумагу... И вы, господа, можете попастьись на моем поле... Но не обессудьте, у меня тут только строчечки, горькая полынь...

Топологически, Письмо - очень длинная нитка, разрезанная на множество кусочков, искусно уложенная на полупрозрачной бумаге. На этой нити нанизаны надежды и страхи одинокого художника, среди ее обрывков висит его мыслящее тело.

В своих интервью Klaus неоднократно утверждал, что его жизнь это добровольный эксперимент, призванный разъяснить определенные философские вопросы. Его рисунок, однако, ничего не разъясняет, скорее разлагает философские построения на слова, буквы, знаки, атомы, превращает их в вибрации, импульсы, звуки... И рассеивает в бессмысленном шёпоте мира... И приходится автору, добровольно превратившему себя в электромеханического муравья, вместо участия в философской экспедиции, - прыгать, дергаться, плясать на собственных графических листах..

Пока не сядут батарейки...

Текст опубликован в журнале "Мосты", 23, 2009, Франкфурт на Майне.